

Республика Дагестан

Энвер Кисриев

Введение

Дагестан – чрезвычайно многообразная в этническом и языковом отношении республика. Это обстоятельство уже само по себе со всей неизбежностью вызывает большой общественный интерес к вопросам численности и удельного веса каждой национальности, а также числа знающих свой национальный язык в составе населения республики. Кроме того, следует учитывать, что укоренившиеся в сознании дагестанцев политические традиции, получившие свое отражение в Конституции Республики Дагестан 1994 г., предусматривают обязательный учет представительства всех национальностей Дагестана и их пропорции в органах государственной власти и в руководстве наиболее значимых экономических, образовательных и культурных учреждений республики. Таким образом, этническая принадлежность индивида, численность той или иной национальности, пропорции их реального представительства в структурах власти, экономики и духовной сферы и прочие *«этнические признаки»* бытия дагестанского общества, приобретают здесь важное общественно-политическое значение.

Поскольку все указанные параметры определяются путем проведения государственных переписей населения, трудно переоценить внимание к этому мероприятию и заинтересованность в ее результатах со стороны как правящей элиты, так и широких слоев общественности республики. Эта заинтересованность проявляет себя в обоих компонентах, определяющих итоги переписного процесса: во-первых, в «предложении», т. е. в структурах этнической и языковой номенклатуры, которую закладывают в основной инструментарий переписи (переписных листах), во-вторых, в «спросе», т. е. в этнических установках и мотивациях населения, которые определяют выбор ответов на предложенные в переписных листах вопросы.

Нет сомнения в том, что идеологические установки организаторов советских переписей оказали прямое воздействие на те «тенденции этнических процессов», которые были затем выявлены в Дагестане в ходе их анализа. Есть также серьезные основания предполагать, что вполне оправданный политический интерес власти к «национальному вопросу» способствовал «обострению» общественного внимания к нему, а это, в свою очередь, оказало обратное воздействие на то, что в «национальном вопросе» стало приниматься властью в качестве политически значимого.

Все эти феномены прямой и обратной связи развития в обществе *этнической идеологии* могли бы стать предметом более пристального и беспристрастного научного анализа.

Этническая структура Дагестана

Представим общую характеристику наиболее многочисленных национальностей Дагестана. (В Приложении в табл. 1 приводятся показатели численности населения Дагестана по основным национальностям по всем переписям советского времени.)

Аварцы – наиболее многочисленный народ республики, насчитывавший, по последней переписи, 577,1 тыс. чел., что составляет 27,9% всего населения. Возможно, их доля по итогам новой переписи достигнет 30%. Основная территория расселения – обширная область западного горного Дагестана, ограниченная замкнутыми хребтами: Андийским, Гимринским, Салатау и др. Сельское население (около 69% всех аварцев) расселено в 22 районах. В 13 из них (Ахвахском, Ботлихском, Гергебильском, Гумбетовском, Гунибском, Казбековском, Тляратинском, Унцукульском, Хунзахском, Цумадинском, Цунтинском, Чародинском и Шамильском) сельские жители составляют 98–100% населения. В Кизилюртовском (равнинном) р-не доля аварцев, главным образом недавних переселенцев, к концу XX в. достигла почти 80%. В других северных равнинных районах (Хасавюртовском, Кизлярском и Кумторкалинском) они составили к этому времени примерно треть населения. В Тарумовском, Бабаюртовском, Левашинском и Новолакском районах они представляют четвертую часть населения. Около трети всех аварцев сосредоточены в городах и поселках городского типа. В Махачкале они составляли 21% населения, в Кизилюрте, Южно-Сухокумске и Буйнакске – 43–52%, в Хасавюрте, Кизляре и Каспийске – 12–22%. Аварцы составляют значительную часть населения ряда в поселках городского типа Бавтутай, Новый Сулак, Шамилькала, Дубки, Шамхал.

Даргинцы – второй по численности народ Дагестана, насчитывающий 332,4 тыс. чел. Они составляют 16,1% всего населения республики. Основная территория расселения даргинцев – горная и предгорная зоны среднего Дагестана. Бóльшая часть их – около 68% – расселена в 16 районах сельской местности. В пяти из них (Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском и Сергокалинском) даргинцы составляют от 75 до 100% населения. Довольно значительна их доля в Каякентском и Карабудахкентском районах – соответственно 43 и 36%. Расселены они также в Тарумовском (19% населения района), Кизлярском (15%) и Буйнакском (14%) районах. В Дербентском, Ногайском, Агульском, Бабаюртовском, Хасавюртовском и Кумторкалинском районах доля даргинцев составляла от 4 до 9% населения района. В столице Дагестана Махачкале проживает треть всех даргинцев-горожан (12,4% населения города), в Избербаше – 57%, в Кизляре – 7,3%, в Буйнаске – 6,6%, в Хасавюрте – 4,2% и в Дагестанских Огнях – 9%. Часть даргинцев расселена в поселках городского типа Кубачи, Ачису, Манаскент, Мамедкала, в которых они составляют от 42 до 99% населения. В последнее время стала возрастать доля даргинцев в городе, непосредственно примыкающем к Махачкале, Каспийске.

Кумыки – третий по численности народ Дагестана, насчитывавший 267,5 тыс. чел. Они составляют 12,9% населения республики. Кумыки в основном проживают на своей исторической территории и особого перераспределения за последние десятилетия не проявили – это Терско-Сулакская низменность и предгорные районы Дагестана. Около половины (52%) кумыков проживает в восьми районах сельской местности. В Кумторкалинском р-не их 67%, больше половины – в Карабудахкентском, Буйнакском, Каякентском, Бабаюртовском, Хасавюртовском и Кизилюртовском районах кумыки составляют от 14 до 67% населения, а в Кайтагском р-не – около 9%. Около половины всех кумыков сосредоточены в городах и поселках городского типа. В Махачкале они составляют около 15%, в Буйнаске – треть, в Хасавюрте – четверть и в Кизилюрте – пятую часть населения, в Избербаше – около 17% и в Каспийске – 10%; в остальных городах доля кумыков незначительна. Часть кумыков-горожан расселена в ряде поселков городского типа, примыкающих или уже включенных в черту Махачкалы: в Тарках их не менее 90%, большинство в Тюбе, Кяхулае, Альбурикенте, много в Шамхале, немного в Сулаке, Ачису и Мамедкале.

Лезгины – один из крупных по численности народов Дагестана, насчитывавший 250,7 тыс. чел. Они составляют 12,2% населения республики. Основная территория расселения лезгин – нагорный и предгорный Южный Дагестан. Сельское население (около 64%) расселено в

деяти районах. В пяти районах (Ахтынском, Докузпаринском, Курахском, Магарамкентском и Сулейман-Стальском) они составляют подавляющее большинство (от 93 до 100%), в Хивском – 37,3% и в Рутульском – около 8%. Немалая часть лезгин проживает в Дербентском (было 15%). Есть один большой населенный пункт лезгин-переселенцев, оторванный от их основного этнического массива, – это Новый Куруш, расположенный в Хасавюртовском р-не (6% численности этого района). Лезгины-горожане, составляющие более трети всех лезгин, сосредоточены главным образом в Дербенте (было 26% населения города) и в Дагестанских Огнях (22%). Относительно много их в Каспийске (16%). В Махачкале они составляют не столь значительную часть – всего 9,5%, в Избербаше – 8%. Лезгины составляют основное население поселка городского типа Белиджи, расположенного в Южном Дагестане. Их около 10% в пос. Мамедкала, расположенном в Дербентском р-не.

Русские – один из относительно крупных по численности народов Дагестана (150,1 тыс. чел., или 7,3% населения республики). Они в основном горожане (более 80%) и живут во всех городах и большинстве поселков городского типа. Однако лишь в г. Кизляре русские составляли более половины населения (54%). Относительно большая доля русских проживала в Махачкале и в Каспийске (17–18%), в остальных городах их доля варьирует от 3 до 10% населения. Русские составляли основную долю населения поселка городского типа Комсомольский (81%), в Дубках их было 16% и в Сулаке 12%. Сельское население русских – это терские казаки. Они исторически проживают в низовьях р. Терек и его протоков – на территориях Кизлярского и Тарумовского районов. В последнее десятилетие их численность стала заметно сокращаться. Молодежь покидает сельские места и переезжает в города, предпочитая не дагестанские, а российские города. Многие сельские жители также переезжают в соседний Ставропольский край. В настоящее время их численность в этих двух традиционно русских районах составляет не более трети. Немалая часть русских раньше жила в Хасавюртовском р-не и г. Хасавюрте. Сейчас их доля здесь очень мала. Незначительное число русских остается в Бабаюртовском, Ногайском и Дербентском районах.

Лакцы – один из средних по численности народов Дагестана – насчитывали 102,6 тыс. чел. (5% населения республики). Область традиционного расселения лакцев – небольшая часть центрального Дагестанского нагорья – территории Лакского и Кулинского районов, в которых они составляют соответственно 94 и 99% населения. Лакцы отличаются от всех других «этнических дагестанцев» незначительной долей сельского населения: сельских лакцев было 36% (это население

упомянутых выше двух районов). В Новолакском р-не их до недавнего времени было 48% населения района, однако начавшееся в самое последнее время переселение лакцев из Новолакского р-на в специально построенный для них поселок близ Махачкалы, по всей видимости, существенно изменит демографическую ситуацию там. Сельских лакцев в Акушинском р-не 5%, в Рутульском р-не расположено два маленьких лакских селения – это 5% жителей данного района. В Кизлярском р-не было 3% лакцев. В сельских населенных пунктах, относящихся к Махачкале, лакцы составляли более 4% населения. У лакцев высокая (около двух третей) доля городского населения. Более половины всех лакцев – горожан сосредоточено в Махачкале, где они составляли 12,5% населения, в Каспийске – 14%, в Буйнакске и в Кизилюрте – около 8% населения. В ряде поселков городского типа – Сулак, Ачису, Кяхулай, Манаскент и др. – лакцы составляют от 3 до 9%.

Табасаранцы – один из средних по численности народов Дагестана – насчитывали 93,6 тыс. чел., что составляет 4,5% населения республики. Основная территория их традиционного расселения – юго-восточный горный и предгорный Дагестан. Большая часть (64%) табасаранцев живут в сельской местности, их в Табасаранском р-не было 80% населения, в Хивском – 62% и в Дербентском – около 15%. Незначительное число табасаранцев проживает в прилегающем к указанным выше Каякентскому р-ну. Табасаранцы-горожане, составляющие всего более трети всех табасаранцев, живут в основном в Дербенте и в Дагестанских Огнях (до трети населения в каждом). В Махачкале и других городах число их незначительно.

Азербайджанцы насчитывали 88,3 тыс. чел., что составляет 4,3% населения. Около половины их проживает в сельской местности в Дербентском (55,7%) и Табасаранском (18%) районах. В высокогорном Рутульском р-не есть одно азербайджанское село – это 4% населения района. В Кизлярском р-не – 3% азербайджанцев-сельчан. Азербайджанцы-горожане сосредоточены главным образом в Дербенте и в Дагестанских Огнях, где они составляют около трети населения, а также в двух поселках городского типа: в Мамедкале, расположенной в Дербентском р-не (22,4%), и в Южном Дагестане, в Белиджах, где их процент достигал 7,3.

Чеченцев в республике, по последней переписи, было всего 42 тыс. Однако трагические события войны на территории соседней Чечни в 1994–1996 гг. существенно повлияли на демографическую ситуацию и в Дагестане. Согласно оценкам статистиков и демографов, к концу XX в. их насчитывалось в Дагестане 92,2 тыс. (4,5% населения республики). Вполне возможно, что перепись покажет более высокий уровень их численности. Сельское население, составляющее около 48%,

сосредоточено довольно компактно главным образом в Новолакском (27%), в Хасавюртовском (25,6%), в Казбековском (13%) и в Бабаюртовском (8%) районах. Чеченцы-горожане сосредоточены в основном в трех городах Дагестана – Хасавюрте (35,6%), Махачкале (4,3%) и Кизляре (6,5%).

Ногайцев насчитывалось в республике 33,4 тыс., что составляет всего 1,6% населения республики. Основная область их традиционного расселения – территория Ногайской степи на севере Дагестана. Сельское население – около 87% всех ногайцев – расселено в четырех районах: Ногайском (82%), в прилегающих к нему Бабаюртовском (16%), Тарумовском (8%) и Кизлярском (7,8%). Большая часть немногочисленных ногайцев-горожан проживает в Махачкале, Кизляре и Хасавюрте, а также в поселке городского типа Сулак, где они составляют более половины жителей.

Евреи (в их число включаются так называемые «европейские евреи», «горские евреи» и таты) насчитывали 18,5 тыс., что составляло менее 1% населения республики. Из них 98% проживают в городах Дербент, Махачкала, Буйнакс, Хасавюрт, Каспийск и Кизляр. Сельские жители (2% всех евреев) были расселены небольшими группами по несколько десятков человек в Дербентском, Кайтагском, Хасавюртовском и Магарамкентском районах.

Рутульцы – один из малочисленных народов Дагестана, насчитывающий 17,1 тыс. чел., что составляет 0,8% его населения. Основная территория расселения – верховья р. Самур в Южном Дагестане. Сельское население, составляющее около 70% всех рутульцев, расселено в Рутульском (55% населения района) и в Докузпаринском (2,3%) районах, а также небольшими группами в несколько сотен человек в Кизлярском, Магарамкентском и Дербентском районах. Большая часть немногочисленных рутульцев-горожан сосредоточена в Махачкале и в Дербенте.

Агулы насчитывали 16 тыс. чел., или около 0,8% населения республики. Основной ареал их расселения – бассейны рек Чирагчай и Курах в высокогорном Южном Дагестане. Сельские жители, составляющие около 67% всех агулов, расселены в Агульском (90% населения района), а также в Дербентском (около 3%) и в Каякентском (2%) районах. Немногочисленные агулы-горожане сосредоточены в городах Махачкале, Дербенте и Дагестанских Огнях и в ряде поселков городского типа (Шамхал, Тюме).

Цахуры – самый малочисленный народ Дагестана, насчитывающий 6,3 тыс. чел., или 0,3% населения. Основная территория их расселения в республике – верховья р. Самур. Цахуры в подавляющем большинстве – сельские жители (около 82%); они проживают в основном в Рутульском районе. Весьма немногочисленные цахуры-горожане сосредоточены в Махачкале, Южно-Сухокумске и Дербенте.

Динамика роста численности дагестанских национальностей представлена в табл. 1 (см. Приложение).

Геополитика

В рассмотрении нашей проблематики определенное значение имеет географическое размещение народов на территории. В этом отношении территорию республики следует подразделить на 1) горную и 2) предгорную и равнинную части.

1. В горном Дагестане, занимающем более трети территории республики, проживает треть населения, исключительно сельского. В этой части республики находится более двух третей общего количества населенных пунктов. Разумеется, никаких перспектив образования в горной зоне городов, по всей видимости, нет и не будет. Другая особенность горного Дагестана – исключительно однородный в этническом отношении состав населения джамаатов. Правда, в некоторых крупных селах центрального горного Дагестана, например, в столице Лакии Кумухе, наблюдается заселение выходцами не только из других лакских селений, но и из селений представителей других национальностей. Тем не менее этническая однородность, вероятно, и в перспективе надолго будет определяющей характеристикой горной части Дагестана.

Это не означает, что все горные районы этнически однородны; во многих из них есть села, в которых живут представители иной, чем основная, национальности. Жители таких селений, как правило, имеют более тесные связи с окружающим их народом, владеют языком основной национальности района, но сохраняют свой язык, свою этническую идентичность и свои национальные особенности. Так, в высокогорном Рутульском р-не, в котором преобладают рутульцы, есть несколько лезгинских джамаатов; в селениях Аракул и Верхний Катрух проживают лакцы, в сел. Нижний Катрух – азербайджанцы, а в сел. Кусур – аварцы. В Агульском р-не в сел. Амух проживают даргинцы, а в Акушинском (преимущественно даргинском) р-не, в селениях Балхар, Кули, Уллучара и Цуликана, – лакцы. В Чародинском (аварском) р-не есть лакское с. Шалиб. В Левашинском (даргинском) р-не в селениях Ахкент, Кулецма, Кутища, Нижнее Чугли, Охли, Орада-Чугли, Урма, Хахита и Чуни живут аварцы, и т. д.

Горные регионы республики в ближайшей перспективе останутся хранителями этнических особенностей (культурной этничности) дагестанцев и прежде всего языков народов Дагестана. По всей видимости, численность населения в горных регионах по итогам предстоящей пе-

реписи станет меньшей. Это коснется прежде всего лезгин и аварцев – наиболее «горных» этносов Дагестана.

2. Предгорный и в особенности равнинный Дагестан становятся смешанными в этническом отношении, и в перспективе эта тенденция здесь, по всей видимости, будет только усиливаться. В этих регионах начиная в середины XX в. начали происходить существенные изменения в расселении и этническом составе населения. Особенно интенсивно происходило переселение на равнину в последние три десятилетия. Суть этой тенденции в том, что жители горных регионов, в которых устойчиво высокий уровень рождаемости «наталкиваются» на весьма ограниченные земельные ресурсы и невозможность расширения экономической инфраструктуры, стали активно переселяться в города и сельские регионы равнины. «Горцы», т. е. жители горных регионов Дагестана, а именно *аварцы, даргинцы, лезгины, табасаранцы, лакцы, агульцы, рутульцы и цахурцы* начали активно заселять равнинные и предгорные земли, где исторически проживали *кумыки, русские, ногайцы, азербайджанцы, чеченцы и таты*. В наибольшей степени это относится к Бабаюртовскому, Хасавюртовскому, Кизлярскому, Новолакскому, Кизилюртовскому, Каякентскому и Дербентскому районам. «Горцы» не только образовали на новом месте свои селения, но многие старые села равнинной зоны стали теперь многонациональными. Многонациональное сельское население колхозов и совхозов, по всей видимости, – довольно редкий феномен общественной жизни, требующий более пристального изучения.

Национальный состав этих районов сейчас – чрезвычайно смешанный и включает представителей всех народов, населяющих республику. Правда, в южном равнинном Дагестане обозначается тенденция к некоторому усилению мононационализации населения, а именно к *лезгинизации*. Здесь, на самом юге республики, на равнинных участках, исторически проживали вместе с лезгинами азербайджанцы, а несколько северней, в районе Дербента, таты. Сейчас уже татских сел в Дагестане не осталось, а татский компонент в селах с табасаранским и азербайджанским населением ничтожно мал. Кроме того, лезгины – жители горных регионов Южного Дагестана все более интенсивно переселяются на равнину южного Дагестана, где также исторически проживают лезгины. Более того, в последнее десятилетие отчетливо наметилась тенденция к переселению лезгин, живущих по другую сторону р. Самур в северном Азербайджане, в районы южного, главным образом равнинного Дагестана. У нас нет сведений о том, что дагестанские азербайджанцы покидают эти регионы с целью переселения в Азербайджан. Однако тенденция (общая для всех народов) к пе-

реезду в города, а также относительно более низкий уровень рождаемости среди дагестанских азербайджанцев, свидетельствуют о том, что их доля в составе населения Южного Дагестана заметно уменьшается. Поэтому не только горный и предгорный, но и равнинный юг Дагестана в ближайшей перспективе будет, по всей вероятности, становиться все более однопациональным, а именно лезгинским.

Аналогично лезгинизации юга на севере Дагестана в равнинных регионах наблюдается тенденция к значительному увеличению доли аварского населения – в Хасавюртовском, Кизлярском, Тарумовском и Ногайском районах, непосредственно граничащих с Чечней и Ставропольским краем.

В центральных же регионах равнины и предгорий Дагестана отчетливо заметен относительный рост даргинского этнического компонента. Число даргинцев увеличивается в Буйнакске и Буйнакском р-не, а также в Каспийске. В Избербаше всегда преобладали даргинцы, и эта его особенность продолжает сохраняться. Более того, отчетливо заметно продвижение даргинского этнического компонента в дербентскую зону, т. е. на юг Дагестана.

В равнинной зоне Дагестана находятся все города, за исключением Буйнакска, расположенного в центральном предгорье, и почти все поселки городского типа. Городское население Дагестана, разумеется, отличается значительной этнической пестротой.

Этнополитика

Дагестан – не просто «многонациональная республика», он представляет собой синтез множества этносов. История их геополитического и социокультурного единства уходит в историческое прошлое. Этнокультурное *разнообразие*, с одной стороны, и гео- и социополитическая *неразделимость* Дагестана, с другой, вызвали к жизни в новейшее время необходимость обязательного решения важной политической задачи. Суть ее в том, чтобы обеспечить социально легитимное этническое представительство в органах республиканской власти.

Уже при созыве Учредительного съезда народов Дагестана, на котором в конце 1920 г. в тогдашней столице Дагестана Темир-хан-Шуре (Буйнакске), была провозглашена республиканская государственность («автономия») Дагестана, соблюдение принципа обязательного этнического представительства всех «народов Дагестана» являлось для революционных лидеров образующейся республики предметом пристального внимания. И кадровая структура органов власти, сформированных на съезде, а также в ходе дальнейшего государственного строи-

тельства, обязательно отвечала требованиям этнического представительства в этих органах всех основных дагестанских национальностей. В первые послереволюционные годы и в период довоенного экономического развития ключевые посты в Дагестане занимали выдающиеся представители местных народов. Только в период жестоких предвоенных политических чисток кадрового состава органов власти (1937–1938 гг.) вопрос о необходимости в Дагестане учета национальности при назначениях на высокие посты был предан забвению или, во всяком случае, отступил на задний план. После окончания Отечественной войны 1941–1945 гг. эта традиция вновь заняла свое место в Дагестане. В 1948 г. поставленный ЦК КПСС во время войны первым секретарем Дагестанского обкома КПСС азербайджанец А. Алиев был возвращен в свою республику, а его место занял местный выходец – аварец Абдурахман Даниялов, работавший в военные годы председателем Совета министров ДАССР. В свою очередь освобожденное им место руководителя правительства занял лезгин, а высшую должность в Верховном Совете республики – кумык. Так, начиная с 1948 г. образовывались следующие последовательно сменяющиеся «тройки»: 1) *аварец – лезгин – кумык*, 2) *аварец – даргинец – кумык*, 3) *даргинец – кумык – аварец*, 4) *даргинец – аварец – кумык*, 5) *аварец – кумык – даргинец*.

Такая традиция распределения и ротации национальностей у лиц, занимающих эти три высшие государственные должности, а также у руководителей предприятий промышленного производства, учреждений культуры, искусства, образования и науки неизменно соблюдалась в Дагестане вплоть до конца коммунистической эпохи и соблюдается до сих пор. Все это не могло не привести к чуткому отношению к «национальному вопросу» не только в среде элиты и интеллигенции, но и в массовом сознании всего общества. Если национальность оказывается важным фактором при принятии кадровых решений на всех уровнях и сферах жизни общества, то неизбежно появляется и возрастает ее политическая значимость.

В этой связи особое значение приобретает показатель численности народа. Можно утверждать, что начиная с середины 1950-х годов вопросы численности («величины») дагестанских национальностей все больше и больше занимают внимание представителей главным образом политической, хозяйственной и творческой элиты дагестанского общества. Часто карьерная борьба высокопоставленных республиканских деятелей приобретала характер тайной «борьбы народов». Численность (величина) народа как бы определяла уровень социально легитимных претензий представителей той или иной национальности в ситуациях принятия кадровых решений почти во всех случаях жизни

начиная с состава секретариата республиканского обкома КПСС, состава его бюро до списков принятых в вуз абитуриентов или на обучение в аспирантуру, списков наградных или премируемых. В этой связи нельзя отрицать возникновения заинтересованности высших политических акторов «присоединить» к своей национальности или языку по возможности как можно больше этносов. Эти ориентации отчетливо наблюдались среди политических деятелей наиболее крупных национальностей: аварской, даргинской, кумыкской и лезгинской.

Нельзя также отрицать существования встречной тенденции, когда простой народ по инициативе местных джамаатских авторитетов и вопреки так называемым объективным и научно обоснованным оценкам ученых предпочитали быть «зачисленными» в состав наиболее близкой им и многочисленной (следовательно, политически более значимой) национальности, в особенности если представитель этой национальности занимал высший в республике пост. Например, джамаат Мегеб населяют этнические даргинцы, но его окружают аварские джамааты, и он всегда был тесно взаимосвязан с ними. Именно потому мегебцы с самого начала процесса «национализации» Дагестана считают себя аварцами, и этот факт никем не может оспариваться. Так же обстоит дело с джамаатом Арчиб. Арчинцы говорят на самостоятельном языке, принадлежащем к лезгинской языковой группе, но с глубокой древности находясь в сфере этнополитического и социокультурного взаимодействия с окружающими их аварцами, они считают себя аварцами. Кубачинцы – жители знаменитого своими изделиями из серебра джамаата – самостоятельный в языковом отношении малочисленный этнос. Однако они сами, хотя и осознают совершенно отчетливо свое этническое отличие, называют себя даргинцами и, естественно, таковыми являются. Подобным образом обстоит дело с кайтагцами – населением известного с древних времен Кайтага – политического объединения джамаатов. Эти и некоторые другие примеры могут быть названы феноменом *этнического причащения* к более значимому и авторитетному в политическом отношении этническому целому. Указанные тенденции носили объективный характер и не могли не отразиться на том, какой в конце концов стала официальная структура (или номенклатура) «народов Дагестана» к моменту развала коммунистического режима.

Новая структура политических институтов, сложившаяся в Дагестане в ходе перестроечных и постперестроечных процессов, уже *конституционно* предусматривает учет национальности в механизмах формирования высших органов власти. Сохраняется также старая традиция учета национальности при назначениях на высокие должнос-

сти во всех ключевых учреждениях дагестанского общества. Учитывается и контролируется этнический состав кадров не только в органах власти, но и в ключевых учреждениях экономики, в сфере культуры, СМИ, науки и образования. «Этнический контроль кадров» учитывает наличие и удельный вес представителей 14 «дагестанских национальностей»: аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, русских, табасаранцев, азербайджанцев, чеченцев, ногайцев, агульцев, рутульцев, цахурцев и татов. При этом ни в каком официальном государственном документе не дается этого списка и не обосновывается, почему именно эти этнические общности признаются «дагестанскими», но несомненным является также и то, что именно данный перечень признается таковым абсолютным большинством дагестанского общества.

Прямая политизация показателя национальной принадлежности породила в республике две проблемные тенденции, которые имеют непосредственное отношение к предстоящей переписи населения 2002 г.

Первая тенденция. В республике появилась и крепнет ориентация среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских национальностей, выделиться из их состава и приобрести самостоятельный этнический статус. Смысл этой ориентации совершенно ясен: приобретение статуса отдельной национальности открывает для неформальных лидеров этих малочисленных этносов включение в указанный выше «список дагестанских национальностей», что обеспечивает гарантированный в определенных пределах допуск к важным политическим должностям. Наиболее эффективным способом, которым можно этого добиться, служит включение отдельной графой накануне Всероссийской переписи 2002 г. своей этнической группы в «список народов России», что ведет к превращению этой группы в «самостоятельную национальность».

В настоящее время, по сути, у всех «непризнанных» этносов Дагестана есть инициаторы движения за признание самостоятельного этнического статуса. В большинстве случаев эти этносы незначительны, но известны, например, съезды, проводимые андийцами, публичные высказывания авторитетных деятелей из числа цумадинцев и каратинцев. В последнее время стали заметны инициативы дидойцев (цезов). В местной газете Цунтинского р-на распространяются призывы указывать в качестве национальности не «аварцы», а «дидойцы» или «цезы», а в качестве родного языка – «дидойский». В газете «Дидойские вести» (печатный орган «Общественного совета дидойцев») опубликовано письмо С.А. Арутюнова, посвященное этническому статусу дидойцев. Оно было написано, насколько об этом можно судить по данной публикации, в ответ на просьбу председателя «Общественного со-

вета дидойцев» Рамазанова. Подобные же приемы наблюдаются в Цумадинском и Ботлихском районах, где проживает целый ряд народов аварской группы языков: андийцы, ботлихцы, цумадинцы и др.

Следует отметить, что если хотя бы одному из так называемых малочисленных этносов (их всего 16), принадлежащих к настоящему времени к самым многочисленным (аварской или даргинской) национальностям, удастся добиться включения себя в «список народов», то вся уже установившаяся структура политической власти в Дагестане начнет разваливаться. Кроме того, процесс *этнической дифференциации* в условиях, когда национальность имеет вполне реальный политический смысл, нельзя будет остановить. Тогда не только все 16 этносов, известных ученым, добьются самостоятельного национального статуса; этническое дробление может легко продолжиться далее вплоть до так называемых «союзов сельских обществ» (джамаатов), поскольку они, без сомнения, имели в условиях традиционного общества и самостоятельный этнополитический статус, и «свой язык», по меньшей мере, на уровне диалекта, и особенности традиционной материальной и духовной культуры, и, что важнее всего, имеют до сих пор социально и политически значимое осознание своей джамаатской принадлежности.

Поскольку никаких строго определенных критериев установления этнического статуса той или иной этнической категории людей (ни научных, ни юридических) нет и быть не может, все эти вопросы будут решаться усилиями общественно-политических организаций и мобилизацией масс. Если все *научно* установленные дагестанские национальности будут признаны самостоятельными этническими субъектами политической структуры, тогда Госсовет РД – высший исполнительный орган власти – должен будет иметь не 14, а 30 чел. При этом ровно половина членов нового Госсовета будет состоять из «аварцев» в том смысле понимания этого этнонима, которое в настоящее время считается в Дагестане общепринятым. Произойдет также значительное сокращение численности аварцев и даргинцев – самых многочисленных народов республики, а, следовательно, заметно снизится уровень *социальной легитимации* права этих народов занимать их представителям высшие посты в республике.

Вторая тенденция тесно связана с первой, но носит самостоятельный характер и сводится к следующему. Поскольку «доля», или «степень», власти в республике в значительной степени зависит, как мы уже указывали, от численности национальности, т. е. от ее удельного веса в численном составе населения, значимость *признака численности* приобретает прямой политический смысл. Выше мы коснулись того, как это, в частности, может отразиться в случае реализации первой

тенденции, а именно «дробления» этнической структуры Дагестана. Но есть и другой важный аспект этого проблемного комплекса. Кумыки и лезгины – две национальности, численность которых в последние годы заметно сближалась: вторые по численности быстро догоняют первых и, судя по всем признакам, перегонят их по итогам предстоящей переписи. Здесь не место подробно останавливаться на причинах этих демографических изменений. Укажем лишь на то, что уровень рождаемости у лезгин выше, но важнее другие демографические тенденции. Дело в том, что в целом по бывшему СССР и по нынешней России лезгин значительно больше, чем кумыков. По переписи 1979 г., лезгин в Дагестане было на 27 тыс. чел. меньше, чем кумыков. Вместе с тем в СССР лезгин было на 184,1 тыс. чел. больше, чем кумыков (см. Приложение, табл. 2.). В 1989 г. кумыков было уже только на 16,8 тыс. больше, чем лезгин. Демографические тенденции, вызванные политическим хаосом в стране, привели к тому, что лезгины начали возвращаться в свою республику. Так, события в западном Казахстане, а именно запланированные антикавказские беспорядки в нефтеносной и нефтеперерабатывающей Гурьевской обл., привели к тому, что более 12 тыс. лезгин были вынуждены, бросив жилье, вернуться в свою республику.

Из табл. 2 видно, что лезгинская «диаспора» в России была самой многочисленной из дагестанских народов после даргинцев. Причем, если даргинцы в основном переезжали из Дагестана в соседние Калмыкию и Ставропольский край, чтобы заняться там животноводством, то лезгины обосновывались главным образом в промышленно развитых регионах. Многие из лезгин по ряду причин были вынуждены вернуться домой. Наконец, важным фактором увеличения численности лезгин в Дагестане стал поток «беженцев» (так их называют сами лезгины) из соседнего Азербайджана. Низкий экономический уровень Азербайджана, полное безразличие к сфере социальной поддержки населения, шовинистическая государственная политика, которая приводит к бюрократической ассимиляции лезгин (проще говоря, их просто записывают «азербайджанцами»), в сочетании с беспредельной коррупцией чиновничества, бедствиями карабахской войны, оккупацией земель и изгнанием с них до 1 млн азербайджанцев – все эти мотивы не могли не привести к устойчивому потоку эмиграции «за границу», т. е. в Дагестан.

Переход лезгин из четвертой по численности национальности в третью в сложившихся условиях приобретает политическое значение и вызывает серьезную озабоченность, которую осознают в политических кругах республики и в среде национальных интеллигенций этих народов. Наши наблюдения и опросы экспертов подтверждают, что про-

блемой своей численности серьезно озабочены представители элиты – как лезгины, так и кумыки. В руководстве республики не показывают вида, что такая проблема существует, но предпринимают меры к тому, чтобы максимально сгладить возможные политические последствия этих совершенно незначительных с демографической точки зрения перемен.

Проблемы языков

По данным переписи 1989 г. в Дагестане зафиксированы представители 102 национальностей, которые принадлежат к трем языковым семьям:

1) к нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков относятся аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры и чеченцы;

2) тюркские языки представлены кумыками, азербайджанцами, ногайцами и татарами;

3) к индоевропейской языковой семье относятся русские, украинцы, белорусы, евреи, горские евреи, таты, армяне. На долю указанных этносов приходится 99,9% населения Дагестана.

Проблематика, связанная с дагестанскими языками, чрезвычайно сложна и запутана. В Конституции РД ни в одной главе не дается перечисления ни «дагестанских народов», ни «дагестанских языков». Это обусловлено не пренебрежением к этим вопросам, а, напротив, слишком высокой их значимостью. Дело в том, что любая попытка создания такого законодательно закрепленного закрытого перечня народов и языков неизбежно вызовет волну взаимоисключающих протестов и принципиально неразрешимые споры.

Так же обстоит дело с законом о языках. Разговоры о необходимости подобного закона в Дагестане, обусловленные *«огромной его значимостью для столь многонациональной и многоязыкой республики»*, никак не могут перейти в практическое русло. Причины этого ясны всем здравомыслящим дагестанским политикам, но они, правда, публично не высказываются по этому поводу. Дело в том, что такой закон неизбежно потребует составления полного и закрытого, т. е. законченного, исчерпывающего, списка дагестанских языков. Уже одно это спровоцирует многообразные общественные инициативы в этой области и проекты, реализация которых неизменно заведет в тупик. Кроме того, обеспечиваемые законом «права и гарантии для национальных языков» вызовут на практике взрывоподобное образование совершенно неразрешимых правовых коллизий.

Что обуславливает такое множество трудностей в Дагестане, связанных с языковой ситуацией? Прежде всего то, что языков так много,

что до сих пор нет полной определенности, сколько же их на самом деле. Так, в официальном перечне, предназначенном для регистрации языков в предстоящей переписи населения¹, числятся: 1) **аварский**², 2) андийский, 3) арчинский, 4) ахвахский, 5) бежтинский, 6) ботлихский, 7) гинухский, 8) годоберинский, 9) гунзибский, 10) каратинский, 11) кванадинский, 12) тиндинский, 13) тлибишо-тлиссинский, 14) хваршинский, 15) хунзальский, 16) цезский, дидойский, 17) чамалинский, 18) чамалальский, 19) **агульский**, 20) **даргинский**, 21) кайтагский, 22) кубачинский, 23) **татский**, 24) **кумыкский**, 25) **лакский**, 26) **лезгинский**, 27) **ногайский**, 28) **русский**, 29) **рутульский**, 30) **табасаранский**, 31) **цахурский**, 32) **чеченский**, 33) **азербайджанский**, 34) *крызский*, 35) *удинский*, 36) *хиналугский*. Как видим, в списке 36 языков.

Если сравнить этот список со списком, предложенным Дагестанским научным центром (ДНЦ) РАН, то обнаружится, что в нем, скажем, среди языков народов, относящихся к аварской национальности (№ 1–18), совпадают только 14 языков. В списке ДНЦ добавлен багвалинский язык, но отсутствуют кванадинский, тлибишо-тлиссинский, хунзальский и чамалальский. В этом списке отсутствуют также языки: кубачинский и кайтагский, которые представлены в «Перечне и кодах национальностей...».

В «Перечне народов и языков», предложенном Институтом этнологии и антропологии РАН, добавлен еще один язык, относящийся к лезгинской языковой группе, – будухский. Но в этом списке нет национальности «таты», а вместо них представлена графа «евреи горские (включая татов)» и, соответственно, язык: татский. Таким образом, национальность, которая в Дагестане «официально» присутствует во вкладышах к паспорту и для представителей которой издаются на татском литературном языке художественные произведения (есть свои литературные классики), идут радиопрограммы и выпускают газеты, оказалась не представленной отдельной графой, а объединена с «горскими евреями» – совершенно проблематичной в Дагестане национальностью³.

¹ См. документ «Перечень и коды национальностей, народностей, этнических групп и языков». Текущий архив Госкомстата РФ.

² Выделенные полужирным шрифтом – это языки «республикообразующих» народов Дагестана, которых 14. Обычным шрифтом обозначены языки народов, имеющие в лингвистике самостоятельный статус, но «этнически» их носители причисляются к близкородственным относительно крупным народам Дагестана. Курсивом указаны языки этносов, проживающих в Северном Азербайджане, но принадлежащих к лезгинской языковой группе. Носители этих языков, проживающие в Дагестане, никак не могут быть отнесены в республике к «недагестанским национальностям».

³ Проблематика, связанная с «евреями», «горскими евреями» и «татами», будет затронута более подробно ниже.

Далее, многие дагестанские языки имеют столь сильно выраженные специфические диалекты, что это существенно осложняет развитие общенационального литературного языка этих народов. Так, у аварцев, в узком смысле этого этнонима, исключающего по меньшей мере 14 самостоятельных в языковом отношении этносов, есть еще семь отчетливых диалектов: хунзахский, анцухский, андаляльский, карахский, салатавский, гидский и батлукский. Правда, в данном случае хунзахский диалект аварского языка, по крайней мере, более 300 лет уже служил для всего Внутреннего Дагестана («Аварии») так называемым общевоисковым языком (*болмац* – язык войска). Поэтому не только аварцы, в узком смысле слова, но и все аварцы, т. е. и те 14 этносов со своими языками, до сих пор довольно неплохо знают язык Хунзаха. Именно болмац – койне для жителей всего «Аваристана» до настоящего времени воздействует на этническую идентификацию этих народов, называющих себя аварцами. На основе болмац сформировался современный аварский литературный язык.

Любопытным примером ситуации взаимообусловленности категорий языковых общностей и этнической идентичности может служить Цумадинский р-н. Такой национальности или этноса как цумадинец, выделенного на лингвистической основе, нет. Однако вполне отчетливо наблюдается самоидентичность цумадинцев – жителей Цумадинского р-на горной Аварии. В этом районе расположены джамааты шести аварских этносов, говорящих на самостоятельных языках. Для них всех языком межэтнического общения был и остается язык Хунзаха, ставший аварским литературным языком. Этот язык здесь – реальность практической жизни людей. Практически каждый цумадинец знает родной язык, а также аварский литературный и русский языки.

Судя по недавней публикации⁴, в Цумадинском р-не «почти ни у кого нет сомнений, как они будут определять свою национальность во время предстоящей переписи. В Цумаде твердо решили: они были, есть и будут аварцами». Ход их разъяснений на этот счет выглядит в изложении автора публикации А. Мехтиханова так: «Нам иначе и нельзя ... Ведь цумадинцы – это не единая языковая общность. В самом районе говорят на 6 разных языках. Если же нам разноязычным цумадинцам нужно пообщаться друг с другом, мы можем использовать только аварский литературный язык, что и делаем. Так что мы естественным образом, без всякого навязывания со стороны являемся и считаем себя аварцами. Почвы для сепаратизма здесь просто нет. И во

⁴ Мехтиханов А. Лучше гор могут быть только горцы // Молодежь Дагестана. 2002. Июнь. № 26, 28.

время переписи мы рекомендуем и другим *горным аварским народностям* не валять дурака и представиться аварцами»⁵.

В этой цитате ключевые понятия дискурса были выделены нами курсивом. Любопытно, что в данном случае *аварский литературный язык* признается не языком Хунзаха, а общим языком для всех, кто им владеет. Тем самым все те, кто пользуется литературным аварским, вне зависимости от того, есть ли у них еще другой – родной язык, с полным правом считают себя аварцами, а собственную языковую идентичность называют в данном случае *горной аварской народностью*. Таким образом, мы наблюдаем таксономически сложную структуру этноязыковой и этносоциальной идентичности, например: багулялыцы (языковой этнос) – цумадинцы (идентичность административного района) – аварцы (национальность) – дагестанцы (нация-народ).

У других больших национальностей Дагестана ситуация несколько иная. Так, даргинская национальность объединяет носителей близких в языковом отношении трех самостоятельных языков: даргинского, кайтагского и кубачинского. Кроме того, носители собственно даргинского языка довольно существенно разделены «диалектально», по меньшей мере, на *акушинцев, урахинцев и цудухарцев*. Эти различия отражают многообразие политических союзов джамаатов традиционной «Даргинии». По оценкам наблюдателей, языковые особенности этих диалектов столь значительны, что полностью исключают понимание сказанного на одном диалекте носителем другого. Вместе с тем койне в традиционной «Даргинии» не сложился, поскольку в нем не было необходимости. Если в Аварии койне объединил не только диалектально различающиеся джамааты, но и самостоятельные в языковом отношении этносы в единую общность, то отдельные союзы джамаатов «Даргинии» не имели и не нуждались в таком объединении. Даргинский литературный язык сложился в период «социалистического строительства» и базируется на *акушинском* диалекте, поскольку Акуша была столицей самого влиятельного союза джамаатов – «Акуша-дарго». Наблюдения и опросы позволяют утверждать, что даргинцы неохотно учат свой литературный язык и говорят между собой на собственных языках-диалектах, а с даргинцами из других джамаатских образований предпочитают говорить на русском языке.

Среди лезгин диалектальные различия языка не столь отчетливо выражены, и лезгины хорошо понимают, что говорит носитель иного диалекта. Однако литературный лезгинский язык, основанный на *кюринском* диалекте, не привлекает жителей, скажем, очень влиятельно-

⁵ Там же.

го Ахтынского джамаата – «Ахты-пара», говорящих на *ахтынском* диалекте лезгинского языка.

Серьезное внимание дагестанцы уделяют также знанию русского языка, который открывает для них огромные возможности эффективной социальной мобильности – как горизонтальной, так и вертикальной. Русский язык является в Дагестане не просто «языком межнационального общения», а, по сути, общенациональным языком республики, который обеспечивает всю общественно-политическую жизнь, науку и основную долю культурной жизни дагестанского общества.

Таким образом, развитие литературных языков дагестанских национальностей оказывается стесненным, с одной стороны, «джамаатскими» языками (это самостоятельные языки или диалекты), а с другой – русским языком, который, помимо прочего, берет на себя уже и функции внутринационального общения, когда диалектальные различия ему мешают. Все это приводит к тому, что дагестанцы, за исключением, пожалуй, аварцев, довольно пренебрежительно относятся к хорошему освоению своего *литературного* языка, предпочитая свой «родной язык» – язык своего джамаата и русский язык. Это вызывает серьезную озабоченность у национальной интеллигенции, главным образом филологов, в отношении судеб родных литературных языков Дагестана. Подобная озабоченность уже становится предметом общественного обсуждения. В этой связи, приведем выдержки из одной газетной статьи с красноречивым названием: «Многоязычный Дагестан: проблемы без перспектив» декана факультета дагестанской филологии ДГУ, проф. Н. Гаджихмедова. По его мнению, в настоящее время в Дагестане происходит «трансформация одного этнического состояния в другое». Он отмечает, что в Дагестане до сих пор нет «специального языкового законодательства» и «лингвистической политики», которая могла бы обеспечить «поддержку и возрождение дагестанских языков».

Н. Гаджихмедов пишет: «Полиэтнический Дагестан переживает глубокий кризис, причем многосторонний, охватывающий как собственно демографическое воспроизводство, так и этнокультурное, проявляющийся и на уровне бытия, и на уровне сознания. По сути дела наблюдается прогрессирующий этноморфоз. Видимо, возможности для нормального этнического воспроизводства сохраняются в горных районах. А все низменные районы – пример той или иной степени этнокультурной эрозии... Процессы деэтнизации приобрели устойчивый характер, и нет никаких видимых возможностей, которые смогли бы изменить положение к лучшему... Осознание своей принадлежности к собственному народу не является сегодня актуальным для дагестанцев, и свой внутренний выбор, так называемый «внутренний ре-

ферендум», они в значительной массе сделали или делают в пользу иных национальных ценностей ...В последние десятилетия наблюдается спад интереса у молодого поколения дагестанцев к языку и культуре нашего народа. В книжных магазинах остается невостребованной литература на дагестанских языках. Это очень тревожный знак. Ведь чтобы стать по-настоящему образованным человеком, необходимо знать и свой язык, и культуру, и свою историю, ибо, если человек не владеет языком предков, его духовные потери невосполнимы, и воспринять культуру другого народа сполна он не сможет. Убежден, чтобы «справиться» с народом, уничтожить его с лица земли, не обязательны землетрясения и геноцид, достаточно не дать ему говорить на родном языке, запретить изучать свою историю, культуру и традиции...»⁶.

Приведенные цитаты отчетливо свидетельствуют о степени озабоченности представителями национальной интеллигенции теми тенденциями, которые наметились в языковой сфере. Автор статьи считает, что «этнос без собственной интеллектуальной элиты, естественно, просто погибнет, ибо некому станет производить и сохранять культурные ценности народа»⁷.

Следует отметить, что в обществе действительно наблюдается пренебрежение к национальному языку. Факт плохого знания родного языка, как правило, не признается, а разговоры на эту тему считаются неприличными. Нет сомнений, что новая перепись не продемонстрирует в своих итогах этих тенденций. Родным языком дагестанца будет считаться язык своей национальности, и опрашиваемый будет указывать именно этот язык.

Особый случай: вопросы татской национальности и языка

В последнее время оживилась дискуссия относительно этнического статуса татов. Проблема татов – малочисленного народа, проживающего в низменных районах Южного Дагестана, главным образом в Дербенте и Дербентском р-не, действительно довольно запутанная. Во-первых, это связано с тем, что до сих пор нет точного понимания исторических корней этого этноса, т. е. того, что можно назвать «этнической родословной», поскольку проживает он в окружении кавказских народов, говорит на языке, принадлежащем к иранской языковой семье, и исповедует иудаизм⁸. Во-вторых, неопределенность в этот во-

⁶ Гаджихмедов Н. Многоязычный Дагестан: проблемы без перспектив //Дагестанская правда. 2002. 17 июля.

⁷ Там же.

⁸ Вообще ираноязычные «таты» так же, как талыши и курды, исповедовали ислам и никак не идентифицировали себя с «горскими евреями», говорящими на том же татском языке и считающими себя «иудеями» («джугут»). И для татов-

прос вносят расхождения и перемены этнической самоидентификации среди носителей татского языка.

В научной среде высказываются два различных мнения на этот счет. Первое сводится к следующему: таты – это единый народ, говорящий на языке иранской языковой семьи, одна часть которого приняла иудаизм, а другая – ислам. Первая стала называться среди местных жителей этнонимом «джугут» («иудеи»), а в документах Российской империи – «горскими евреями». Вторая, т. е. таты-мусульмане, назывались «татами».

Еще одна точка зрения состоит в том, что под татами подразумеваются два различных народа: один – ираноязычный этнос, исповедующий ислам, а другой – иудеи, расселившиеся с древних времен в равнинных и предгорных районах Северного Азербайджана и Южного Дагестана, сохранившие иврит для религиозных целей, но перешедшие в сфере общественных отношений на татский язык, поскольку проживали с татами на одной общей территории. При советской власти, которая отвергла конфессиональную идентификацию населения и положила в основу этнической идентификации не религиозный, а языковой показатель, эти два разных народа превратились в единую «татскую национальность». Однако насаждение атеистической идеологии «сверху» и не изжитый в сфере бытовых отношений антисемитизм «снизу» обусловили возникновение двух тенденций этнической идентификации среди «советских татов»: с одной стороны, таты-мусульмане стали менять свое этническое наименование и «записываться» азербайджанцами как наиболее близкими к ним в этнокультурном отношении; с другой стороны, часть татов-иудеев стала «записываться» евреями (еще одна – большая их часть охотно приняла этноним «таты»). В результате этого таты-мусульмане, по сути, исчезли как отдельная этническая группа, а этноним «таты» после этого стал обозначать только татов-иудеев. Этнонимы «горский еврей», «еврей» и «тат» стали превращаться в синонимы.

мусульман они были «джугут». Знать и пользоваться языком другого народа в многонациональном Дагестане было в прошлом самым обычным делом. Правда, скажем, аварец, переселившийся поближе к равнине и научившийся говорить по-кумыкски, сам себя начинал считать «кумыком» и оказывался таковым для окружающих. Но это тогда, в тех условиях, не означало «смены этнической принадлежности», поскольку никакой «этнической принадлежности», «национальности» просто не существовало в общественно-политическом дискурсе того времени. Этот аварец, скажем, продолжал сохранять свой родной язык, брать невесток и зятьев из своего горного джамаата и, вообще, сохранять свою джамаатскую идентичность. Просто в те времена и в том ареале межэтнического взаимодействия быть «кумыком» означало не смену «национальности», а некоторое изменение социального статуса, новое состояние «продвинутости», как, скажем, это можно сказать сейчас о дагестанце, ставшим «москвичем».

Споры на эту тему в советское время, носившие научный или околонучный характер, несколько раз возникали между представителями татской интеллигенции, однако власти пытались заглушить эти споры, поскольку они легко могли «соскользнуть» на табуированную в то время тематику. Когда в 1970-х годы стал усиливаться поток эмиграции татов в Израиль, эта проблема вновь стала выдвигаться на авансцену общественной жизни в Дагестане. Те, кто утверждал, что таты – это самостоятельный, дагестанский, а не «еврейский народ», естественно, занимали «патриотическую позицию», а «непатриоты» в то время высказывали свое мнение исключительно «ногами». Тогда же начинает укрепляться самосознание татов как евреев, возрождаться интерес к иудаизму и языку иврит. Число уезжавших в Израиль постепенно все более возрастало. К концу «коммунистической эры» в общественном мнении в Дагестане уже полностью утвердилась точка зрения, что таты – это евреи, точнее, «горские евреи», т. е. особая исторически сложившаяся ветвь еврейского народа, в то время как «официально»⁹ считалось, что таты – это «самостоятельный малочисленный дагестанский народ».

В последние десятилетия численность татов в Дагестане стала довольно быстро сокращаться, и этот процесс продолжается. Начиная с переписи 1959 г. до 1995 г. численность евреев сократилась в Дагестане на 40%. В табл. 3. (см. Приложение) представлены данные статистики относительно динамики их численности в Дагестане по материалам послевоенных переписей. К сожалению, по этим данным, взятым из статистического сборника¹⁰, невозможно вычленить отдельно важные для этнографа этнические категории «евреев», «горских евреев» и «татов».

По данным на 1995 г., 98% «евреев» Дагестана проживают в городах, главным образом в Дербенте, Махачкале, Буйнакске, Хасавюрте, Каспийске и Кизляре. Сельские «евреи», которые несомненно, являются «горскими евреями – татами» (всего 2% от их общего числа в республи-

⁹ Слово «официально» было взято нами в кавычки, поскольку в действительности эта позиция *официально не утверждалась* и не провозглашалась. Прежде всего потому, что ни один из «дагестанских» народов не имеет такого статуса. Кроме того, это означало бы, что официальные государственные органы пытаются поставить вопрос о правомочности переезда татов – «коренных дагестанцев» в Израиль.

¹⁰ Основные национальности Республики Дагестан: численность, демографические показатели, расселение. Махачкала, 1995. В сборнике *евреи, горские евреи и таты* были объединены в одну общую категорию, что само по себе примечательно. В самом сборнике это обосновывается так: «в национальность "евреи" включены евреи, евреи горские и таты, так как в первичных документах (талоны прибытия и выбытия, свидетельства о рождении и смерти) не всегда точно указывается их принадлежность к той или иной национальности» (с. 3).

ке), проживают небольшими группами в несколько десятков человек в селах Дербентского, Кайтагского и Магармкентского районов.

По оценкам специалистов, к 2002 г., накануне новой переписи, численность этой этнической категории граждан Дагестана (евреев, горских евреев и татов) составляет не более 8–10 тыс. чел. Причем их быстрое сокращение в последние годы связано не только и не столько с эмиграцией в Израиль и другие зарубежные страны, сколько переездом из Дагестана в другие, главным образом, центральные регионы РФ.

Накануне новой переписи проблематика «таты–евреи» вновь обсуждалась, но в несколько ином ракурсе. Весь первый номер общественно-политического журнала «Народы Дагестана» был посвящен истории, этнографии и общественно-культурной жизни татов¹¹. А в июньском за 2002 г. номере еженедельника «Молодежь Дагестана» появилась публикация письма в редакцию некоего махачкалинца Шалума Мигирова, озаглавленная «Таты – евреи или...?». Редакция газеты предположила письму такую «сопроводилку»: «В Дагестане среди татов существуют различные мнения о точном определении сущности этой народности. Одни, в частности известный публицист Феликс Бахшиев, убеждены, что таты – это отдельный полноценный народ со своим языком, культурой и традициями. И связывает их с евреями разве что общность вероисповедания – иудаизм (да и то не всех). Однако есть и другое мнение. Махачкалинец Ш. Мигиров уверен, что для татов целесообразно максимально солидаризироваться с евреями – и по названию народности, и по выбранному языку общения, и по другим признакам. Ниже приводится его точка зрения»¹².

Свое письмо в редакцию газеты сам Ш. Мигиров непосредственно увязывает с предстоящей переписью населения, начиная его с того, что «в преддверии грядущей всероссийской переписи дагестанские политологи, историки, социологи, этнографы и даже хозяйствующие генералы производств пытаются представить себе и нам обобщенный облик населения, обитающего на... пространстве Республики Дагестан»¹³. Этими ориентациями он объясняет и выход специального номера журнала «Народы Дагестана», целиком посвященного татам¹⁴. «Моему народу, – пишет он, – исканиям его генезиса, этническим особенностям, роли в жизни республики был посвящен номер журнала «Народы Дагестана»... Единственное удовлетворение от знакомства с

¹¹ Народы Дагестана. 2002. № 1.

¹² Мигиров Ш. Таты – евреи или... ? // Молодежь Дагестана. 2002. 28 июня. № 26.

¹³ Там же.

¹⁴ Следует отметить, что указанный специальный номер журнала «Народы Дагестана», посвященный татам, – не исключение. В 2001 г. уже выходили номера, посвященные аварцам и лезгинам.

этим номером, – что хоть какое-то внимание уделено моим соплеменникам. Все остальное – вялая и бессильная полуправда». По мнению Ш. Мигирова, у всех дагестанских народов все в порядке с идентичностью, «и лишь ситуация с названием моего народа даже внутри Дагестана никак не станет однозначной. То я – тат, то – горский еврей, то – немецкоязычный еврей ашкенази¹⁵, то – северокавказский еврей...»¹⁶. Автор письма заявляет, что «в предстоящей переписи при документировании национальной принадлежности уместней указать себя как горского еврея, а не тата». Он не обосновывает свою позицию какими-то научными экскурсами в историю или лингвистику, а просто констатирует сказанное как несомненный для себя факт.

Однако основное содержание письма Ш. Мигирова посвящено другой теме. Автор считает, что татам (горским евреям) следует отказаться от татского языка и перейти на иврит. Обоснованию этого предложения, по сути, и посвящена данная публикация. Ш. Мигиров начинает с утверждения, что «так называемое татское наречие юго-западного фарси, застыл на уровне VI–VII веков». Большой вред, по его мнению, татскому языку был нанесен отменой сначала ивритской графики и введением латиницы, а затем переходом с латиницы на кириллицу. Кроме того, по его мнению, в силу «изолированности и антисемитизма» современный татский язык «стал тем, что он нынче собой и представляет: полузабытый, с ограниченной лексикой, лишенный современной динамики».

Ш. Мигиров пишет: «Для современного тата (горского еврея) татская речь звучит примерно так, как для русскоязычного человека звучала бы следующая фраза: «...Господь рек, горя вам, яко взалчете и упивающемся, яко вжаждете! И геенну огнем жегомую, на мучение ваше, а не наследия царствия Божия!»... Чтобы понять смысл этой фразы, современному русскому человеку пришлось бы отложить все дела, вникнуть в значение каждого древнеславянского слова и перевести на современный русский. А татский язык еще более архаичен, лексика его – законсервированная полуторатысячелетней давности».

Реформа языка, по мнению автора, дело дорогостоящее даже для наций с многомиллионным населением, а для татского языка она непосильна. «Нам легче всей общиной, – считает он, – перейти на иврит, что более соответствовало бы и исторической традиции. За основу

¹⁵ Вопрос об идентификации татов с «немецкоязычными», т. е. с европейскими евреями (ашкенази), в Дагестане никогда не возникал. По всей видимости, автор касается вопроса о статусе «горских евреев» в Израиле, где есть проблема их идентификации с «европейскими» (ашкенази) или «восточными» (сефарды) евреями. Как выходцы из России они – «ашкенази», а как говорящие на фарси – «сефарды».

¹⁶ Мигиров Ш. Указ. соч.

произношения принять его сефардский диалект, очень близкий по орфографическим (орфоэпическим, по всей видимости. – Э. К.) особенностям персидскому, арабскому, некоторым кавказским языкам. Это тем более удобно, когда молодое поколение горских евреев в Дагестане практически не владеет уже татским языком. Он выживает и теплится за счет идеологических подпорок и усилий немногочисленных ревностных адептов «татизации» в СМИ, на радио и телевидении».

Позиция Ш. Мигирова высказана им со всей определенностью и выглядит как программа действий, которая, наверняка, встретит поддержку среди татского населения. Известно, что в Дагестане уже давно и успешно действуют школы по изучению языка иврит, которые пользуются значительным спросом, особенно среди татской молодежи. Хотя, по данным последней переписи 1989 г., 98% татов указали родным языком татский, данный показатель не отражает реального знания ими этого языка. В заключительном абзаце письма указаны перспективные цели, которые удастся достигнуть, если предложения автора будут приняты. И следует признать, что они довольно реалистичны. Ш. Мигилов пишет: «На мой взгляд, попытки возродить полноценный татский язык обречены. А иврит как новояз XXI века мог бы стать для горских (фарсиговорящих) и европейских евреев интегрирующим началом для объединенного представительства двух родственных субэтносов в многонациональной семье народов Дагестана»¹⁷.

Еженедельник «Молодежь Дагестана» опубликовал полемический отклик на письмо Ш. Мигирова. Он написан не татом по национальности, дагестанским лингвистом, профессором ДГУ, автором раздела «Татский язык» в книге «Письменные языки мира. Языки Российской Федерации»¹⁸ Албури Абдусаламовым. Отклик выдержан в крайне резких тонах. Так, обращаясь к редакторам газеты, А. Абдусаламов пишет: «Ваше издание иногда помещает и статьи, содержание которых подходит для идеологических спекуляций... К примеру, крайне неприятную реакцию и возмущение вызвал материал... под весьма странным заголовком "Таты – евреи или..?"... Для рядового, обыкновенного читателя материал этот – сумбур, бессмыслица, из которой он толком ничего не сможет понять; для проницательного – импортный дешевый идеологический товар, за который не стоит торговаться; для татского народа – гнусное и тяжкое оскорбление»¹⁹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. М., Изд-во Института языкознания РАН, 2000.

¹⁹ Абдусаламов А. Таты – не евреи! // Молодежь Дагестана. 2002. 19 июля. № 29.

Если оставить в стороне чрезмерные эмоции, суть возражений А. Абдусаламова такова. По его мнению, Ш. Мигиров «предлагает отказаться вообще от родного языка и перевести общение и обучение татов на совершенно чужой язык, который сам только начинает искусственно возрождаться из мертвого состояния».

Далее, приведем несколько цитат из отклика проф. Абдусаламова: «Ш. Мигиров пытается убедить читателя в том, что современные таты – это все равно, что древние семиты. Это же абсурд! Даже мало-мальски что-то знающему об этнографии понятно, что таты никакого отношения к семитам и ивриту не имеют (я не распространяюсь в область религии, поскольку это слишком деликатная тема, требующая отдельного разговора, специальных знаний, исторических экскурсов)».

«Да, были некоторые искажения политики языкового строительства. Они коснулись и языков нашей республики. Но антисемитизма в Дагестане не было. Пожалуй, нигде не было и такого приемлемого решения проблем языка и образования, как в нашей республике. Татский язык – один из 14 государственных языков, находится под защитой двух Конституций – РФ и РД; это язык общения и обучения, язык художественной литературы, культуры и искусства, радио и телевидения, СМИ, родной (материнский) язык народности, берегущей его».

«По моему же мнению, в Дагестане нет другого народа, который настолько хорошо знал одновременно и родной и русский язык, как таты. К их достоинствам я отношу и то, что современные процессы двуязычия они смогли подчинить благотворному влиянию почти на все стороны своей духовной жизни. У других народов Дагестана бытует мнение, что именно таты с пристрастием относятся к своему языку».

«После новой переписи Мигиров хотел бы видеть своих сородичей названными «горскими евреями». Это очередной абсурд. Делать подобного рода заявления перед очередной переписью запрещено. Что касается «нового» этнонима, то назвать татов «горскими евреями» все равно, что назвать кумыков «равнинниками», ногайцев – «степняками», представителей автохтонных этносов Дагестана – одним словом «горцы» («тавлу»), чеченцев – «мичихич». Если проблему этнонимов можно было бы решать, таким образом, как говорит Мигиров, то очень легко лишить каждый народ собственного имени»²⁰.

Предстоящая Всероссийская перепись населения 2002 г. позволит прояснить, какие преломления получит в ее итогах изложенная нами проблематика национальности и языка в Дагестане.

²⁰ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Численность населения Дагестана (по основным 14 национальностям) по результатам переписей 1926, 1939, 1959, 1970, 1989 гг. (в абсолютных величинах и %)

Нац-сти	1926		1939		1959		1970		1979		1989	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Население РД	744,1	100,0	1023,3	100,0	1062,5	100,0	1428,5	100,0	1628,2	100,0	1802,2	100,0
Аварцы ²¹	177,3	23,8	231,2	22,6	239,4	22,5	349,3	24,5	418,6	25,7	496,1	27,5
Даргинцы ²²	125,7	16,9	151,1	14,8	148,2	14,0	207,8	14,5	246,9	15,2	280,4	15,6
Лезгины	90,5	12,2	96,8	9,5	108,6	10,2	162,7	11,4	188,8	11,6	204,4	11,3
Кумыки	87,8	11,8	101,5	9,9	120,9	11,4	169,0	11,8	202,3	12,4	231,8	12,9
Русские	65,7	8,8	195,3	19,1	213,8	20,1	209,6	14,7	189,5	11,7	165,9	9,2
Лакцы	39,9	5,9	51,9	5,1	53,5	5,0	72,2	5,1	83,4	5,1	91,7	5,1
Табасаранцы	31,9	4,3	33,4	3,2	33,4	3,2	53,3	3,7	71,7	4,4	78,2	4,3
Азербайджанцы	23,4	3,1	31,2	3,0	38,2	3,6	54,4	3,8	64,5	4,0	75,5	4,2
Чеченцы	21,4	2,9	27,7	2,7	12,8	1,2	40,0	2,8	49,2	3,0	57,9	3,2
Ногайцы	20,3	2,7	17,5	1,7	14,9	1,4	21,8	1,5	25,0	1,5	28,3	1,6
Горские евреи	11,6	1,6	10,9	1,1	16,2	1,5	11,9	0,8	4,7	0,3	3,6	0,2
Европейские евреи	3,0	0,4	11,2	1,1	5,2	0,5	10,2	0,8	14,0	0,9	9,4	0,5
Таты	0,2	0,0	—	—	3,0	0,3	6,4	0,5	7,4	0,4	12,9	0,7
Рутульцы ²³	10,3	1,4	—	—	6,6	0,6	11,8	0,8	14,3	0,9	15,0	0,8
Агульцы	7,7	1,0	20,4	2,0	6,4	0,6	8,6	0,6	11,5	0,7	13,8	0,8
Цахурцы	3,5	0,5	—	—	4,3	0,4	4,3	0,3	4,6	0,3	5,2	0,3
Другие	23,9	3,2	69,1	6,7	37,1	3,5	35,2	2,5	31,8	1,9	31,7	1,7

Таблица 2. Численность наиболее многочисленных народов Дагестана по итогам Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г.

Народы	В Дагестане	Вне Дагестана, но в пределах России	Вне России, но в СССР	Всего в СССР
Аварцы	496 100	47 900	57 100	601 100
Даргинцы	280 400	72 900	11 700	365 000
Кумыки	231 800	45 400	4700	281 900
Лезгины	204 400	52 900	208 700	466 000

Таблица 3. Численность «евреев» в Дагестане, чел.

Годы	1959	1970	1979	1989	1994	1995
Численность	24 381	28 581	26 158	25 995	19 552	18 520

²¹ В число «аварцев» здесь входят не только собственно аварцы (их, по переписи 1926 г., было 138,7 тыс.), но и андо-цезские народы и арчинцы (их было зарегистрировано, по переписи 1926 г., 38,6 тыс., что составляет около 22% от общего числа всех аварцев).

²² В число «даргинцев» входят как собственно даргинцы (их было, по переписи 1926 г., 108,9 тыс.), так и кайтагцы и кубачинцы, которых вместе в 1926 г. было 16,8 тыс. или около 13,5% общего числа всех даргинцев.

²³ Численность рутульцев, агульцев и цахурцев в материалах переписи приводится суммарно.

